

Т.А. Михайлова
(Москва, Россия)

**Круглый стол «Грамматика нереального»
(28 апреля 2017)**

T.A. Mikhailova
(Moscow, Russia)

**Round Table “A Grammar of Unreal”
(April 28, 2017)**

Когда в конце декабря Научный отдел филологического факультета обратился к кафедрам с предложением запланировать и провести какую-нибудь локальную конференцию или круглый стол, я неожиданно для себя подумала: а почему бы и нет? Теперь, когда круглый стол был уже проведен и прошел успешно, теперь, задним числом, подводя мысленно его итоги, я понимаю причину моей неожиданной готовности. Дело в том, что с начала 90-х годов прошлого века наша кафедра регулярно проводила семинары по исторической поэтике, которыми всегда руководила Ольга Александровна Смирницкая. Потом на базе этих семинаров и возник наш журнал-альманах «Атлантика. Записки по исторической поэтике», в 2016 г. вышел уже 13-й выпуск. Но сами семинары постепенно как-то стали проходить все реже, и, наверное, вот уже лет десять не проводились вовсе. Но мы-то по ним скучали! И поэтому, получив предложение провести круглый стол, я и откликнулась на него с такой готовностью. Более того, свое предложение-циркуляр я разослала в первую очередь давним участникам семинара и традиционным авторам «Атлантики»: О.А. Смирницкой, Н.А. Ганиной, Е.Р. Сквайрс, Н.Ю. Гвоздецкой (РГГУ), Н.Ю. Живловой (исторический факультет МГУ) и ряду других. Откликнулись не все: кто-то был слишком занят, кто-то уже исключил историческую поэтику из области своих научных исследований, кого-то, может быть, озадачила сформулированная мною тема – «грамматика нереального». Другие предложили выступить своим ученикам, что позволило привлечь к работе круглого стола магистрантов и аспирантов, работающих в этой области и с «нашим» традиционным материалом: средневековые и фольклорные тексты кельтов и германцев.

Почему такая тема? Наверное, выбор мой был спонтанен и даже случаен и отчасти спровоцирован тем, что сама я тогда читала спецкурс «Магия слова в средневековой Ирландии». И круг вопросов, предложенный потенциальным участникам, на мои собственные интересы и опирался: как в тексте можно понять, что

нарратор сообщает о нереальном, но вымышленном событии, как оформляются грамматически прорицания и какую роль они играют в дальнейшем сюжете, по какому принципу строятся заговорные тексты, какие глагольные времена в них используются и как они используют традиционные формулы, что стоит за нефинитными конструкциями – констатация факта или пожелание, где границы синтаксической неполноты клаузы, и неполнота это или намеренная недоговоренность, рассчитанная на фоновые знания аудитории, как изображаются заведомо вымышленные мифологические персонажи. Ну, и так далее. В общем, как я понимаю, главным для меня было скорее «нереальное» и его выражение в тексте, а собственно грамматика воспринималась как нечто вторичное. Причем в тексте, уже заранее относящемся к миру магии и традиционных суеверий.

В ходе подготовки круглого стола и редактирования представленных тезисов, которые были изданы в МАКС-ПРЕСС¹ (пользуюсь случаем поблагодарить издательство не только за быструю и квалифицированную подготовку текста, но и за замечательное оформление обложки, как нельзя более точно передающей идею конференции), я подумала, что в выборе как участников, так и собственно тематики предполагаемых докладов я была не совсем права. Обсуждая программу с моими коллегами по кафедре (в первую очередь – Е.М. Чекалиной и Э.Б. Крыловой), я поняла, что специфические грамматические конструкции, служащие сигналом нереальности или сомнительности сообщаемой информации, существуют и в современном языке в его разговорных формах. Сюда относится и известный французский «кондиционал сомнения», и датские служебные слова, переводящие фразу в область нереального, и шведские конструкции со словом *man*, позволяющие тонко уклониться от сообщения об источнике информации. Сюда же, наверное, относятся и русские фразы с субъектом «они», за которым стоит нежелание говорящего отождествлять себя с лицами (а чаще – одним лицом, причем говорящему известным), чьи пожелания или запреты он сообщает слушающему. В общем, я поняла, что современная, живая грамматика в чем-то интереснее, чем «нереальность» средневековых и фольклорных текстов. Но было уже поздно что-то менять. Зато мы все увидели интересные перспективы для дальнейшей совместной работы, которая, хочется надеяться, может вылиться в следующий круглый стол или даже научный проект.

Итак, конференция прошла в намеченных рамках и в заранее запланированной (ущербной!) проблематике, но от этого назвать ее неуспешной я бы не решилась. Напротив, доклады были необычайно интересны, вызвали множество вопросов и замечаний и дополнений, а присутствие среди слушателей многочисленных студентов (причем не только из МГУ) говорит уже само за себя.

Круглый стол начался с докладов, посвященных средневековой Ирландии. В первом выступлении Т.А. Михайловой «Нефинитная предикация и ее семантическая нагрузка в ирландских сагах и монастырской лирике» сравнивались древнеирландские конструкции с отсутствующим финитным глаголом в сагах и в так называемой «монастырской лирике». Такие конструкции строятся на очень специфическом выражении локализатора, представленного в предложном местоимении, имеющем предикативные функции. Например: *ben dom*, букв. «женщина ко мне». Автор пришел к выводу, что если в прозаическом нарративе здесь будет домысливаться как бы опущенный глагол движения («я увидел женщину, которая

¹ См.: Грамматика нереального: Материалы Круглого стола: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; 28 апреля 2017 г. / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: МАКС Пресс, 2017. 64 с.

шла ко мне»), то в монастырской лирике в аналогичной конструкции скорее прочитывается пожелание: «хорошо бы мне женщину...». Естественно, придуманный мною пример для лирики, возникшей в монастыре, не очень характерен, и в основном описанные конструкции реализуются в теме постоянного присутствия Бога-защитника, особенно в стихах жанра лорик (оградительных молитв): *Día lim fri cach sním* – «Бог со мной против любой напасти...». Пожелание это или констатация факта? Неоднозначность английских переводов демонстрирует и заложенную в самом стихе неоднозначность трактовки смысла фразы в целом, что, как предположил докладчик, предопределялось уже самим жанром лорик-заговоров, опирающихся на глубинную двуплановость сообщаемого.

Тема древнеирландских лорик была продолжена в докладе магистранта кафедры Е.А. Старостиной «К вопросу о реконструкции ранней редакции древнеирландской лорики *M'aenarán dam isa sliab* 'Один [иду] в гору'». Главная тема анализируемого текста – опасность странствия, особенно в одиночестве. Тексты, помогающие одиноким странникам (в основном, конечно, клирикам) избежать в пути многочисленных опасностей, известны не только в древнеирландской, но и в немецкой, исландской и английской традиции: их появление, с одной стороны, было продиктовано самой жизнью, с другой – наличие общих образов и формул показывало, что источником для этих текстов, скорее всего, послужили латинские апокрифические оградительные поэмы, бытовавшие внутри единого монастырского «ученого пространства» Западной Европы. Докладчица сосредоточилась лишь на одном, довольно длинном поэтическом тексте, датированном примерно X в. и приписываемом святому Колумбе. Тщательный разбор поэмы привел Е. Старостину к идее, что внутри одного текста вычленяются несколько отдельных стихов, видимо изначально функционировавших как отдельные оградительные молитвы. К этому выводу она пришла не в результате анализа метафорики и тематики поэмы, которые по определению узнаваемы, повторяемы и традиционны. Свой, отчасти неожиданный, вывод она строит на вычленении системы аллитераций, метрических повторов и сбоя в ритмике стиха. Приведенные доводы и схемы выглядели очень убедительно, и остается лишь надеяться, что исследование Е. Старостиной не ограничится публикацией небольших тезисов, а затем вкраплением данного разбора в магистерский диплом, но будет продолжено и в той или иной форме донесено до более широкой научной аудитории.

В своем докладе «“Канон Эмине Белого”: жертвоприношение святого» Н.Ю. Живлова обратилась к агиографической традиции Древней Ирландии. В центре ее исследования был эпизод, относящийся к традиции легендарной: во время чумы, поразившей остров в VII в., монахи, предводительствуемые Эмине Светлым, решили добровольно принять смерть, чтобы спасти жителей Лейнстера. Такой добровольный уход из жизни считался «заместительным жертвоприношением», причем применительно к континентальным кельтам, галлам, о таком жертвоприношении писал Цезарь: те, «кто подвержены тяжким болезням или часто бывают в битвах и опасностях, или же приносят в жертву людей, или клянутся принести, и пользуются при таких жертвоприношениях помощью друидов: ибо они считают, что нельзя умиловить волю бессмертных богов иначе, нежели отдав жизнь человека за жизнь человека». В описанном ею фрагменте Жития сам Эмине выступает в роли друида-*administer* при этом жертвоприношении: он исполняет заупокойную молитву (*écndaire*) по монахам, присутствует при распределении их и произносит определенную формулу, передавая их тем, за кого они должны умереть. Докладчи-

ца отметила, что для текста Жития характерно употребление ряда сложных грамматических форм, причем нередко в своеобразном значении, что, безусловно, связано с необычной тематикой самого «Канона». Ситуация с Эмине и его монахами оформляется в форме обещания: соглашаясь отдать свою жизнь за князей и короля, они могут ожидать от них ответного дара, особых привелегий для монастыря в дальнейшем. В заключение она делает вывод, что средневековый автор вряд ли был свидетелем описанных им событий, но, описывая жертву Эмине, мог прибегать к архаичной лексике и конструкциям.

Магистрант из РГГУ М.В. Моррис обратилась к теме странствий Племен Богини Дану – загадочной расы, якобы, населявшей Ирландию до прихода туда сыновей Миля – предков современного населения. Ее доклад «Странствия Туата Де Дананн как маркер прагматики мифографического текста» был посвящен анализу псевдоисторической традиции Ирландии глазами ученых XVII в. – Майклом О'Клери и Джеффри Китингом. Оба автора стоят на позициях эвгемиризма и видят в описанных странствиях Племен Богини реальные миграции древних народов, но, как она показала, если первый опирается на современную ему политическую ситуацию, то второй скорее имеет в виду философско-религиозное освещение мифа о Племенах Богини.

Германская часть докладов была открыта выступлением профессора кафедры Е.Р. Сквайрс, «Один грамматический род и разные реальности Смерти на Руси после 1500 г.», рассказавшей, как заимствованный в немецкой традиции мотив «плясок смерти» трансформируется в русском фольклоре и русских переводах мистерий. Разница в оценке самого «центрального персонажа» опирается на чисто грамматическую разность: в немецком *Tod* – мужского рода, тогда как русское *смерть* – женского, что вызывает появление дополнительных коннотаций: Смерть как женщина оказывается подвластна зову любви и проявляет зависть к счастливым соперницам. Она перестает быть воином-охотником, что, однако, не делает ее милосердной. В результате выбора в пользу языковой формы обозначения смерти развивается новый, женский образ; этот нереальный женский персонаж, обладая одушевленностью, персонифицируется, в частности, в облике старой женщины. Хочется добавить, наверное, что образ старухи, сопровождающей умершего в Иной мир, возник здесь не только в силу грамматических различий – он известен в традиции очень архаической (причем у тех же германцев) и на поле славянского текста, видимо, возродил какие-то более древние индоевропейские мифы.

В сообщении магистранта кафедры Н. Труфановой «“Мюнхенское заклинание против ночных тварей” как “christlicher Zauberspruch” (по классификации Исаака Бэйкона)» был проведен сопоставительный анализ грамматических форм, характерных для заговорных практик в целом и реализованный в описанном ею Мюнхенском заклинании. Особую ценность представлял тот факт, что сам текст заклинания до этого не только не публиковался ни в оригинале, ни в русском переводе, но вообще был не известен исследователям, поскольку его текст сохранился лишь в рукописи, находившейся в Архиве библиотеки МГУ. Наверное, работа над памятником будет продолжена и сделанная Труфановой публикация будет лишь первой. Уверена, немецкие коллеги оценят по достоинству сделанный им подарок.

Доклад М.А. Волконской (ВШЭ) «Отрывок о “плодах мессы” Джона Лидгейта и его источники» описывал особенности перевода латинской ученой литературы на среднеанглийский язык. В центре ее исследования была небольшая поэ-

ма Джона Литгейта (XIV в.), предназначенная мирянам, находящимся вне собственно церковной традиции и не знающим латыни. Его текст, как она показала, подчиняется особым правилам «грамматики убеждения» и призван растолковать пастве необходимость регулярного посещения церковных служб. Он же служил и пособием для проповедников.

И наконец последний доклад конференции был сделан нашей давней коллегой профессором РГГУ Н.Ю. Гвоздецкой. Ее выступление «Жанр видения в древнеанглийской поэме “Видение Креста”: от нереального к реальному» вызвало необычайное оживление в аудитории, так как показывало, что в древнеанглийском сочетании «видение креста» (как, отметим, и в русском) не только означало изображение объекта (крест, который явлен), но и отсылало к возможности самого Креста Господнего видеть события, участником которых он невольно стал.

Было уже очень поздно, но расходиться не хотелось. Атмосфера давних семинаров по исторической поэтике оказалась возрожденной. Всем хотелось продолжения, и я надеюсь, что оно последует. Может быть, с привлечением новых аспектов лингвистического анализа и новых участников. Круглый стол показал, что намеченный подход к анализу текста не просто интересен – он поистине неисчерпаем.

Татьяна Андреевна Михайлова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatyana A. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Сведения об авторе:

tamih.msu@mail.ru